

Специфика образа жизни людей, проживающих в сложных климатогеографических условиях

Анастасия А. Кулик^{a, @}

^a Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга, Россия, г. Петропавловск-Камчатский

@ anastasija81@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.02.2020. Принята к печати 19.03.2020.

Аннотация: Представлены результаты эмпирического исследования, целью которого выступало изучение образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях. Дизайн исследования предполагал реализацию нескольких этапов: получение описательных характеристик среды (на основе самоотчетов респондентов, желающих и не желающих проживать на территории Камчатского края). Анализ высказываний респондентов позволил выделить региональные особенности образа жизни, отражающиеся в дифференциальной оценке средовых характеристик, а также факторы, оказывающие непосредственное влияние на конструирование индивидуального образа жизни (климатический (геофизический фактор), социальный, бытовой, экономический). Выявлены ядерные и периферийные структуры образа жизни лиц в дефицитарных условиях жизнедеятельности. Ядро индивидуальных образов жизни состоит из характеристик, отражающих активность субъекта, эмоциональную оценку жизни, категорию безопасности, смыслов, истинности, что свидетельствует о вычленении базовых структур образа жизни, связанных с непосредственной реализацией конкретных целей, мотивов и потребностей респондентов. Показана обусловленность содержательных и структурных компонентов образа жизни индивидуальными хронотопами (пространственно-временными структурами). Временной конструкт встраивается в индивидуальный образ жизни, что приводит к особому типу конструирования актуальных связей, ведущих из прошлого в настоящее и будущее, и определяет оценку важных аспектов жизнедеятельности индивида.

Ключевые слова: образ мира, экстремальные условия жизнедеятельности, хронотоп, временная перспектива, жизненный путь

Для цитирования: Кулик А. А. Специфика образа жизни людей, проживающих в сложных климатогеографических условиях // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 1. С. 139–151. DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151>

Введение

Изучение субъективного пространства личности было и остается одной из актуальных проблем психологической науки. Исследование представлений человека о самом себе, об окружающем мире имеет большое значение для теоретического осмысления структурной организации индивидуального сознания.

Современная реальность, представленная резкой сменой социальных, экономических, культурных, политических и других процессов, глобализацией, трансформацией устойчивых образов и схем в отношении построения жизненного плана, приводит к необходимости по-новому ставить вопрос о сознательном конструировании личностью целостной модели своего образа жизни. Несмотря на достаточную простоту и часто житейское использование термина *образ жизни*, следует подчеркнуть его неоднозначность и сложность с точки зрения психологического значения. В психологии возникла ситуация, характеризующаяся, с одной стороны, терминологической неопределенностью понятия *образ жизни* (стратегия жизни, жизненная цель, жизненная перспектива, стиль жизни, сценарий жизни, жизненная

позиция, жизненный смысл, жизненное событие, варианты жизни, жизненные миры и т. д.), что связано со сравнительно недолгой историей существования понятия в гуманитарных науках и феноменологической сложностью изучаемого объекта, а с другой стороны – отсутствием четких критериев, на основании которых становится возможным полно представить именно содержательный аспект субъективного мира личности. Отдельные психологические аспекты образа жизни изучались в социологии, философии, политологии, экономике. В рамках указанных наук понятие *образ жизни* рассматривается с точки зрения своего предмета исследования и имеет трактовку, связанную с типичными условиями жизнедеятельности и в контексте определенного исторического отрезка [1]. Наиболее близким к психологическому пониманию образа жизни можно выделить социологический подход, в котором указанная категория рассматривается через призму жизненного пути, осуществляемого человеком в зависимости от комплекса условий (географических, исторических, материальных и пр.) и тех интересов, ценностей и целей, которые человек стремится достичь [2–7]. В этой связи акцент при построении понятия *образ жизни*

ставится на таком типе поведения, который основывается на исторически конкретных социальных отношениях индивидуальной и групповой форм жизнедеятельности людей, характеризующихся определенными особенностями их общения, склада мышления в трудовой, общественной, политической сферах, быте и досуге [8]. Одно из наиболее емких и разделяемых большинством социологов определение образа жизни было предложено И. Т. Левыкиным: образ жизни предстает как определенная система входящих в его состав устойчивых и повторяющихся форм деятельности, обладающая внутренним единством [9].

С точки зрения психологического подхода образ жизни рассматривается не только как результат взаимодействия человека с окружающим его миром, но и как единство внутренних и внешних, индивидуальных и социальных, физиологических и психических условий, влияющих на формирование индивидуального образа жизни человека. В работах Б. Д. Парыгина образ жизни рассматривается через призму социально-психологической категории. По его мнению, образ жизни представляет собой элемент массовидного и следовательно стереотипного эталона в поведении человека, что определяет его существование и самоутверждение в определенных исторических условиях, вместе с тем образ жизни наполнен не только категорией всеобщности, но и некими специфическими, индивидуально неповторимыми характеристиками конкретного человека [10]. Таким образом, социально-психологический анализ образа жизни призван выявить механизмы саморегуляции субъекта, связанные с его отношением к условиям жизни и деятельности, с его потребностями и жизненными ориентациями, а также с его отношением к социальным нормам [11; 12]. В этой связи интересным представляется описание образа жизни, предложенное В. А. Ядовым. Он рассматривает образ жизни через призму определенных критериев: 1) различные сферы деятельности – производственная, семейно-бытовая, общественно-политическая, сфера потребления; 2) качество и интенсивность деятельности, выражающиеся в активности, продуктивности человека, в субъективной значимости (мера вовлеченности субъекта в деятельность), в выборе способов и целей деятельности (свобода / несвобода, гармония / дисгармония); 3) стилевые особенности – ритмика, доминантность различных видов деятельности, их пространственно-временная локализация [1].

Синтезируя различное количество психологических подходов в попытке описания образа жизни, следует отметить работы Б. Г. Ананьева, в которых образ жизни предстает как комплекс взаимодействующих обстоятельств (экономических, политических, правовых, идеологических, социально-психологических и т. д.), включающий явления производства материальной жизни общества и сферы потребления, социальные институты, средства массовой коммуникации и непосредственно самих людей, объединенных в различные общности. Взаимодействие человека с этими обстоятельствами жизни составляет ту или иную социальную ситуацию развития личности. В свою

очередь, Б. Ф. Ломов подчеркивал, что образ жизни – это некие социальные функции индивида, призванные обеспечивать формирование, трансформацию и закрепление свойств, образующих индивидуальный психологический склад [13]. Описывая важность социально-психологической стороны образа жизни, Б. Ф. Ломов подчеркивал значимость организации не столько индивидуальных действий конкретного человека (не только то, что и как делает человек), сколько механизмы организации его межличностного взаимодействия и коммуникативный потенциал (как и с кем общается человек, как и к кому он относится). В то же время образ жизни, с позиции Б. Ф. Ломова, не статичная модель жизнедеятельности, он развивается, и в процессе этого развития происходит смена его детерминант, а соответственно и системно образующих характеристик. Схожим с понятием *образ жизни* является введенный С. Л. Рубинштейном термин *жизненный путь личности*, в котором подчеркивается развитие человека не только как живого организма с прохождением определенных циклов развития, а как человека, имеющего собственную историю. Жизненный путь личности должен рассматриваться как единое целое. Описывая жизненный путь личности, С. Л. Рубинштейн употребляет понятие *образ жизни* как определенный образ действий в единстве и взаимопроникновении с объективными условиями, в которых он осуществляется [14].

Особо следует отметить подход к изучению образа жизни, предложенный В. П. Серкиным. Он определяет образ жизни как систему деятельностей (интегративная характеристика активности), которые человек актуально реализует как субъект индивидуальной деятельности или в которые включен (субъектом которых является общество, группа) в течение определенного жизненного периода, этапа или цикла [15]. Структура образа жизни, по его мнению, детерминируется и образом мира, и планом реальных взаимодействий и в свою очередь детерминирует развитие образа мира [16, с. 112].

В. П. Серкин выделяет следующие уровни активности в структуре образа жизни:

- уровень внутренней деятельности (субъективность пространства и времени);
- уровень коммуникации (конвенциональность пространства и времени);
- уровень практической деятельности (конструирование пространства и времени) [15; 17].

Им дана следующая характеристика каждого из описанных уровней: на уровне внутренней деятельности субъективно изменяются пространство и время: человек может произвольно изменять временной порядок событий и расположение предметов, их размеры, структуру и другие свойства, думать за секунды о событиях, происходящих часами и годами. На уровне коммуникации пространство и время становятся конвенциональными (согласованными с другими). На уровне практической деятельности ритмы и свойства реальных предметов становятся решающими: чтобы действовать практически, я должен соотносить свое время, свои психические процессы, свои эффе́кторы (тело и инструментарий)

с сопротивлением реальности, со свойствами предметной реальности. В. П. Серкин пишет, что образ жизни может изменяться вместе с изменением иерархии мотивов личности, с изменением и развитием иерархии смыслов субъекта и смысла жизни. По его мнению, именно с изменением иерархии мотивов связано для личности осознание какого-либо периода жизни как психологического прошлого (если иерархия уже изменилась) или психологического настоящего (если иерархия пока неизменна) независимо от внешнего событийного ряда [15–20].

На наш взгляд, наиболее актуальным и своевременным представляется изучение специфики образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях. Камчатский край представляет собой территорию наиболее подверженную влиянию различного рода негативных факторов (как природных, геофизических, так и экономических, социально-культурных), которые непосредственно влияют на оценку условий проживания как тяжелых, приводят к отрицательной субъективной оценке качества жизни большого слоя населения. Можно выделить следующие климатические особенности Камчатки: сильные ветра, ураганы и штормы, значительное количество осадков, частая изменчивость погоды во все сезоны года, длительная многоснежная зима и отрицательные среднегодовые температуры в большей части территории, а также короткое пасмурное лето. К опасным природным явлениям Камчатского края относят землетрясения и вулканическую активность. Землетрясения, эпицентры которых находятся в море, нередко порождают цунами, производящие значительные разрушения в прибрежной полосе Курильских островов и на восточном побережье Камчатки. Помимо сложных климатогеографических условий Камчатского края, мощным фактором, резко снижающим качество жизни, выступают экономические и социально-культурные особенности. Отдаленность Камчатского края от центральной полосы России объективно приводит к высокому ценообразованию на все сферы услуг, товаров, производства и пр., наличие лишь одного варианта транспортной перевозки (авиаперевозки) и дефицит культурной и досуговой жизни формируют отрицательную оценку региона [21]. По данным Росстата, индекс стоимости жизни в городах России по итогам 2018 г. позволил выделить самые дорогие столицы субъектов РФ – Анадырь и Петропавловск-Камчатский. Согласно подсчетам статистиков, индекс стоимости жизни в Петропавловске-Камчатском в 2018 г. составил 1,58. Выше среди столиц регионов России показатель только у столицы Чукотки – Анадыря. Подобные условия жизни приводят к огромному оттоку населения. Уменьшение численности населения края обусловлено на 84,1 % миграционным оттоком и на 15,9 % – естественной убылью. 2018 г. в Камчатском крае характеризовался снижением показателей уровня жизни, несмотря на рост заработной платы. Основной причиной является отставание темпов

роста среднедушевых денежных доходов населения, пенсий от темпов инфляционных процессов¹.

Все вышеперечисленные условия объективно могут приводить к отрицательной оценке региона, неудовлетворенности основными показателями качества жизни, однако проживание в идентичных условиях может давать разную их субъективную оценку, зависящую не столько от объективных характеристик, сколько от системы реализуемых деятельностей, мотивационно-потребностных конструкторов, пространственно-временных характеристик субъекта.

Программа исследования

Из представленного краткого теоретического обзора очевидна важность и необходимость исследования образа жизни в сложных (экстремальных) условиях жизнедеятельности, что позволит расширить представление о структурных компонентах индивидуального сознания и организации индивидуального образа жизни. Длительное воздействие экстремальной ситуации требует адаптационной перестройки функциональных систем, при этом происходит постепенная мобилизация личностных ресурсов и формирование определенной стратегии поведения, что позволяет человеку, несмотря на дефицитарность внешних условий, сохранять гомеостаз и высокий уровень активности (как физической, так и социальной) и субъективно выстраивать вектор своего жизненного пути благополучно. Данный факт дает основание сформулировать *цель исследования* – изучить специфику образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях.

Мы предположили, что специфика образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях, определяется совокупностью базовых параметров (активностью индивида, его мотивами, оценкой среды проживания, системой реализуемых им деятельностей и пр.), вместе с тем одним из ведущих параметров выступает пространственно-временная структура индивидуального образа жизни.

Методики и испытуемые

В исследовании был использован следующий комплекс методик: анкетирование (авторская анкета, разработанная с целью описания выборки, характеристик среды, социально-психологических факторов, влияющих на оценку региона, оценку образа жизни, различных параметров организации жизнедеятельности респондентов); субъективное шкалирование «Оценка региона» (Е. Б. Весна, О. С. Ширяева) [21]; семантический дифференциал (СД) «Образ жизни» (В. П. Серкин) [22]; «Тест жизнестойкости» С. Мадди, адаптированный Д. А. Леонтьевым и Е. И. Расказовой [21]; СД времени (СДВ) Л. И. Вассермана, Е. А. Трифионовой, К. Р. Червинской [21]; «Опросник временной перспектив личности» (ЗТРП) Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) [23]; СД «Окружающая

¹ Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2018: стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 149.

природная среда»; модифицированный вариант проективной методики «Графический тест» Т. Коттла [24] (с целью изучения образного представления о себе и о своем будущем); «Тест смысложизненных ориентаций» (СЖО) Д. А. Леонтьева².

Респондентами в нашем исследовании выступили жители Камчатского края (г. Петропавловск-Камчатский, г. Елизово, г. Вилючинск) в количестве 90 человек в возрасте от 30 до 45 лет. Нам было важно определить специфику образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях, и сопоставить описательные характеристики региона (с позиции желающих покинуть территорию крайнего Севера и не желающих уезжать). Структурные и содержательные компоненты индивидуального образа жизни не отображаются однозначно в представлениях респондента о них, а, скорее, несут субъективное отношение человека, обусловленное его мотивацией и системой реализуемых деятельностей [15]. В этой связи люди, проживающие в идентичных условиях, могут совершенно по-разному интерпретировать их: с одной стороны, условия среды могут оцениваться как крайне экстремальные, препятствующие реализации целого комплекса жизненных

планов, целей, перспектив, с другой – как неэкстремальные, напротив, способствующие личностному росту и развитию, что, безусловно, определяет специфику индивидуальных образов жизни. С этой целью в выборку были в равной степени включены лица, желающие покинуть Камчатский край и нежелающие. В табл. 1 представлена социально-демографическая характеристика выборки.

Дизайн исследования

Логика исследования предполагала реализацию нескольких этапов:

1. Разделение выборки на две экспериментальные группы (по 45 человек) на основании желания / нежелания покинуть Камчатский край. Цель данного этапа – сопоставление характеристик региона, выделенных в группах, выделение факторов, влияющих на интегративную оценку региона (положительную или отрицательную).

2. Разделение общей выборки респондентов на две группы (с помощью процедуры кластерного анализа, где базовой методикой выступил СД «Образ жизни») с целью выявления респондентов с различным уровнем структурных и содержательных характеристик индивидуального образа жизни.

3. Выявление и описание хронотопов (пространственно-временных структур) образа жизни среди респондентов двух экспериментальных групп (с помощью кластерного анализа на основании методики «Опросник временной перспективы личности» (ZTP1) Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) и СД «Образ жизни»).

На **первом этапе** мы разделили общую группу респондентов на две (в зависимости от желания / нежелания уехать с Севера). Анализ ответов респондентов, желающих уехать, позволил выделить следующие причины, вызывающие наибольшее недовольство местом проживания: высокий уровень цен (84 %); сложные климатические условия (76 %); отдаленность региона от центра (56 %); скудный выбор для получения образования (51 %); отсутствие транспортной доступности (40 %); отсутствие инфраструктуры (38 %); низкий уровень оплаты труда (22 %); высокий уровень сейсмичности (16 %).

62 % планируют переезд в другие регионы РФ в течение 5 лет. Новое место жительства привлекает по следующим параметрам: благоприятный климат (53 %), низкие цены на товары (44 %), транспортная доступность (29 %), развитая инфраструктура, высокий уровень жизни (18 %), большой город, выбор для получения образования (11 %). Интересным представляется факт, что характеристики нового места жительства абсолютно полярны тем, которые указываются в отношении Камчатского края. Лица, не желающие уезжать, напротив, считают свою жизнь, образ жизни достаточно комфортным. Также различна оценка уровня жизни с позиции материальной сферы в Камчатском крае. Лица, желающие

Табл. 1. Социально-демографическая характеристика группы испытуемых, n=90

Tab. 1. Social and demographic characteristics of the respondents, n=90

Характеристика	%
<i>Место рождения</i>	
Камчатский край	78
Другие регионы РФ	22
<i>Уровень жизни (субъективная оценка респондентов)</i>	
Высокий	2
Средний	53
Низкий	26
Не удовлетворяющий потребности	19
<i>Семейное положение</i>	
В браке	62
Холост / не замужем	17
В разводе	11
В незарегистрированных отношениях	7
Вдова / вдовец	3
<i>Пол</i>	
Женский	81
Мужской	19
<i>Возраст</i>	
30–40 лет	72
40–45 лет	28
<i>Образование</i>	
Высшее	94
Среднее специальное	6

² В рамках данной статьи рассмотрены результаты, полученные по семантическому дифференциалу «Образ жизни» (В. П. Серкин) [22]; «Опросник временной перспективы личности» (ZTP1) Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) [23].

DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151

покинуть регион, считают уровень жизни низким и неудовлетворяющим потребности населения, напротив, респонденты, не желающие покинуть Камчатку, оценивают уровень жизни как удовлетворяющий основные потребности. При идентичных условиях проживания (социальных, климатогеографических, культурных, досуговых) субъективная оценка их разная (результаты представлены в табл. 2).

Из табл. 2 видно, что описательные характеристики среды в группах респондентов дифференцированы по ряду выделенных нами факторов, непосредственно влияющих на формирование индивидуального образа жизни: в первую очередь, это климатические характеристики среды (геофизический фактор), социальные и бытовые характеристики, экономические факторы. Можно утверждать, что данная группа факторов оказывает непосредственное влияние на конструирование индивидуального образа

жизни, определяя уровень активности субъекта, сферу его достижений, мотивацию и перспективы будущего. В работах В. П. Серкина отмечается, что наряду с непосредственным влиянием окружающей среды на формирование образа жизни следует учитывать и ряд факторов, оказывающих опосредованное влияние, в их числе культурно-исторические, социально-психологические и индивидуально-психологические факторы [15–20]. Таким образом, мы видим некую дифференциацию индивидуальных образов жизни респондентов (в зависимости от желания или нежелания проживать в заданных условиях), что обусловлено их мотивацией и системой реализуемой деятельности. Дальнейший анализ результатов, полученных в группах посредством деления их в зависимости от желания или нежелания проживать в Камчатском крае, не предоставил информацию,

Табл. 2. Недостатки / преимущества жизни в Камчатском крае

Tab. 2. Disadvantages and advantages of living in Kamchatka

Фактор	Ответы респондентов, не желающих жить на Камчатке	Ответы респондентов, желающих жить на Камчатке
Климатические условия	<ul style="list-style-type: none"> • сложный (суровый) климат; • холодно; • мало солнца; • много снега; • холодное лето; • длинная зима; • сырость, унылость 	<ul style="list-style-type: none"> • нежаркий климат; • много снега; • солнечная, теплая зима; • длинный световой день
Городская среда	<ul style="list-style-type: none"> • серый, грязный, угрюмый, неухоженный город; • скучно, все друг друга знают; • плохо развита инфраструктура; • отсутствие благоустройства города; • маленькая территория; • плохие дороги; • нет парков, детских площадок; • много иностранных граждан; • много бездомных животных 	<ul style="list-style-type: none"> • компактность; • шаговая доступность, меньше зависимость от транспорта, малые затраты времени и средств на перемещение; • небольшая численность населения; • защищенность; • воспитание детей; • свобода бизнеса; • нет автомобильных пробок; • близость природы
Культурно-досуговые условия	<ul style="list-style-type: none"> • скудная жизнь; • дефицит культурной и досуговой жизни; • скудный выбор для получения образования 	<ul style="list-style-type: none"> • зимние виды спорта; • активный отдых; • творческие проекты
Промышленность	<ul style="list-style-type: none"> • низкий уровень развития региона; • малый выбор профессий, рабочих мест 	<ul style="list-style-type: none"> • не нарушен экологический баланс региона: чистый воздух, вода, местные продукты
Удаленность от центральной полосы России	<ul style="list-style-type: none"> • отсутствие транспортной доступности; • дорогие авиабилеты; • отдаленность; • дороговизна продуктов, особенно овощей и фруктов; • отсутствие качественных продуктов 	<ul style="list-style-type: none"> • доступность многообразных и редчайших природных биоресурсов; • уникальные возможности для рыбалки, охоты, собирательства, всех видов туризма; • низкая преступность; безопасность

Фактор	Ответы респондентов, не желающих жить на Камчатке	Ответы респондентов, желающих жить на Камчатке
Социально-экономические условия	<ul style="list-style-type: none"> • низкая зарплата; • низкий уровень жизни; • нет развития; • коррупция; • плохо работают коммунальные службы после пурги; • высокие цены на ЖКХ; • халатность правительства 	<ul style="list-style-type: none"> • высокая зарплата; • средний уровень жизни; • редкая коррупция; • большой отпуск; • оплата проезда в отпуск; • северные надбавки
Экология	<ul style="list-style-type: none"> • плохая экология; • высокая радиация 	<ul style="list-style-type: none"> • хорошая экология; • чистый воздух и вода

позволяющую выделить структурные и содержательные характеристики индивидуальных образов жизни.

Второй этап исследования заключался в применение процедуры кластерного анализа (базовой методикой выступил СД «Образ жизни» В. П. Серкина) на всей совокупности выборки. В результате применения процедуры кластеризации (кластерный анализ с использованием метода внутригрупповых связей) были получены два кластера: в первый вошли

26 человек, во второй – 64 человека. Таким образом, нами были выделены две группы респондентов: ЭГ1 – респонденты с наиболее генерализованными характеристиками индивидуального образа жизни, наиболее близкими и рядоположными друг к другу (сильный кластер). ЭГ2 – респонденты с достаточно разрозненно представленными характеристиками образа жизни (более слабый кластер). При сравнении двух выборок с помощью t-критерия Стьюдента

Табл. 3. Выраженность показателей образа жизни в кластерных группах

Tab. 3. Degree of lifestyle indicators in cluster groups

Шкала	ЭГ1, n=26	ЭГ2, n=64	t
Рациональный / иррациональный	-1,34	-1,98	2,09*
Компромиссный / непримиримый	-1,34	-1,98	2,43*
Постоянный / меняющийся	-0,11	-1,48	3,39**
Профанный / настоящий	1,53	2,21	2,61*
Ответственный / безответственный	-1,92	-2,65	3,23**
Злой / добрый	1,46	2,39	3,85**
Миролюбивый / агрессивный	-1,69	-2,54	3,21**
Достойный / недостойный	-1,03	-2,18	3,04**
Враждебный / дружеский	1,38	2,59	3,50**
Насыщенный / ненасыщенный	-0,73	-1,59	2,18*
Согласованный / противоречивый	-0,03	-1,42	3,92**
Демократический / авторитарный	-0,38	-1,59	3,50**
Несчастный / счастливый	1,5	2,45	4,71**
Открытый / замкнутый	-0,84	-2,28	4,37**
Обеспеченный / необеспеченный	0,03	-1,46	4,28**
Понимающий / непонимающий	-1,30	-2,39	4,88**
Неуверенный / уверенный	0,23	1,92	5,52**
Независимый / зависимый	0,61	-0,34	2,80**
Истинный / ложный	-1,15	-2,37	5,28**
Сонный / бодрый	0,38	1,35	2,70**
Трусливый / смелый	0,92	1,85	3,23**
Голодный / сытый	1,76	2,51	2,49*

Шкала	ЭГ1, n=26	ЭГ2, n=64	t
Привлекательный / непривлекательный	-0,65	-1,65	2,97**
Дискомфортный / комфортный	0,46	1,75	3,49**
Оправданный / неоправданный	-0,26	-1,65	4,54**
Бесмысленный / осмысленный	0,84	2,5	5,57**
Целостный / разрозненный	-0,34	-1,70	3,62**
Безнравственный / нравственный	1,76	2,51	2,73**
Положительный / отрицательный	-1,19	-2,54	5,24**
Беспорядочный / упорядоченный	0,61	1,70	3,48**
Новый / старый	-0,30	-1,23	2,76*
Опасный / безопасный	0,73	1,78	3,00*
Социальный / самодостаточный	0,19	1,06	2,13*
Уважительный / неуважительный	-1,76	-2,75	4,08**
Веселый / грустный	-1,38	-2,23	3,02**

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

обнаружились значимые различия почти по всем шкалам СД «Образ жизни» (результаты представлены в табл. 3)

Сопоставление полученных результатов привело к следующим выводам: для всей совокупной выборки оценка образа жизни отличается доминированием позитивного контекста (все полярные характеристики смещены в сторону положительного полюса), что свидетельствует о достаточном уровне активации (энергетизации) различных сфер жизни, несмотря на сложные условия жизнедеятельности, активность субъекта направляется на цели, которые требуют реализации, несмотря на объективные сложности. Положительная эмоциональная оценка различных компонентов образа жизни служит индикатором соответствия или несоответствия уже целостных образов жизни далеко не всегда осознаваемым иерархиям мотивов. При этом для лиц, вошедших в первый, более сильный кластер характерна большая генерализация и близость указанных характеристик образа жизни, нежели для представителей второго кластера. Представленная табл. 3 наглядно иллюстрирует тот факт, что несмотря на идентичную оценку образа жизни, указанные характеристики для респондентов ЭГ1 менее позитивны (их образ жизни более простроенный и менее оптимистичный в оценке дескрипторов СД).

Далее мы сопоставили состав выделенных групп: интересным оказался тот факт, что в состав ЭГ1 и ЭГ2 в равной степени оказались включены лица как желающие, так и не желающие покинуть Камчатский край: ЭГ1 – 54 % желают покинуть Камчатский край, 46 % не желают. ЭГ2 – 48 % желают покинуть территорию края, 52 % не желают. Следовательно, индивидуальные образы жизни различны в группах респондентов по ряду параметров, а не по одному (оценка среды проживания, как мы предполагали). Мы можем допустить следующее объяснение выявленного

феномена: пока не осуществлен сам переезд, говорить о трансформациях образа жизни и образа мира не приходится. Переезд выступает как план будущего (ближайшего или не очень), а система деятельностей, реализуемая субъектом, позволяет говорить о некоем уровне его активности, способствующем удовлетворению потребностей, реализации определенного смыслового конструкта, следовательно образ жизни не дифференцируется в зависимости лишь от желания смены места жительства. По мнению В. П. Серкина, образ жизни может изменяться вместе с изменением иерархии мотивов личности, что приводит к осознанию какого-либо периода жизни как психологического прошлого (если иерархия уже изменилась) или психологического настоящего (если иерархия пока неизменна) независимо от внешнего событийного ряда [15–17].

Далее мы подвергли процедуре кластерного анализа дескрипторы СД «Образ жизни» с целью определения наиболее значимых структурных и содержательных компонентов образа жизни респондентов. В результате применения процедуры кластеризации (кластерный анализ с использованием метода межгрупповых связей на основании корреляции Пирсона) были получены два кластера: первый (сильный) кластер представлен наиболее близкими генерализованными дескрипторами, которые условно можно назвать ядром индивидуального образа жизни, второй кластер (более слабый) образуют те дескрипторы образа жизни, которые менее структурированы и взаимосвязаны друг с другом, условно можно назвать периферией (рис. 1). Оценка ядерных структур образа жизни значимо различна для респондентов ЭГ1 и ЭГ2 (табл. 4)

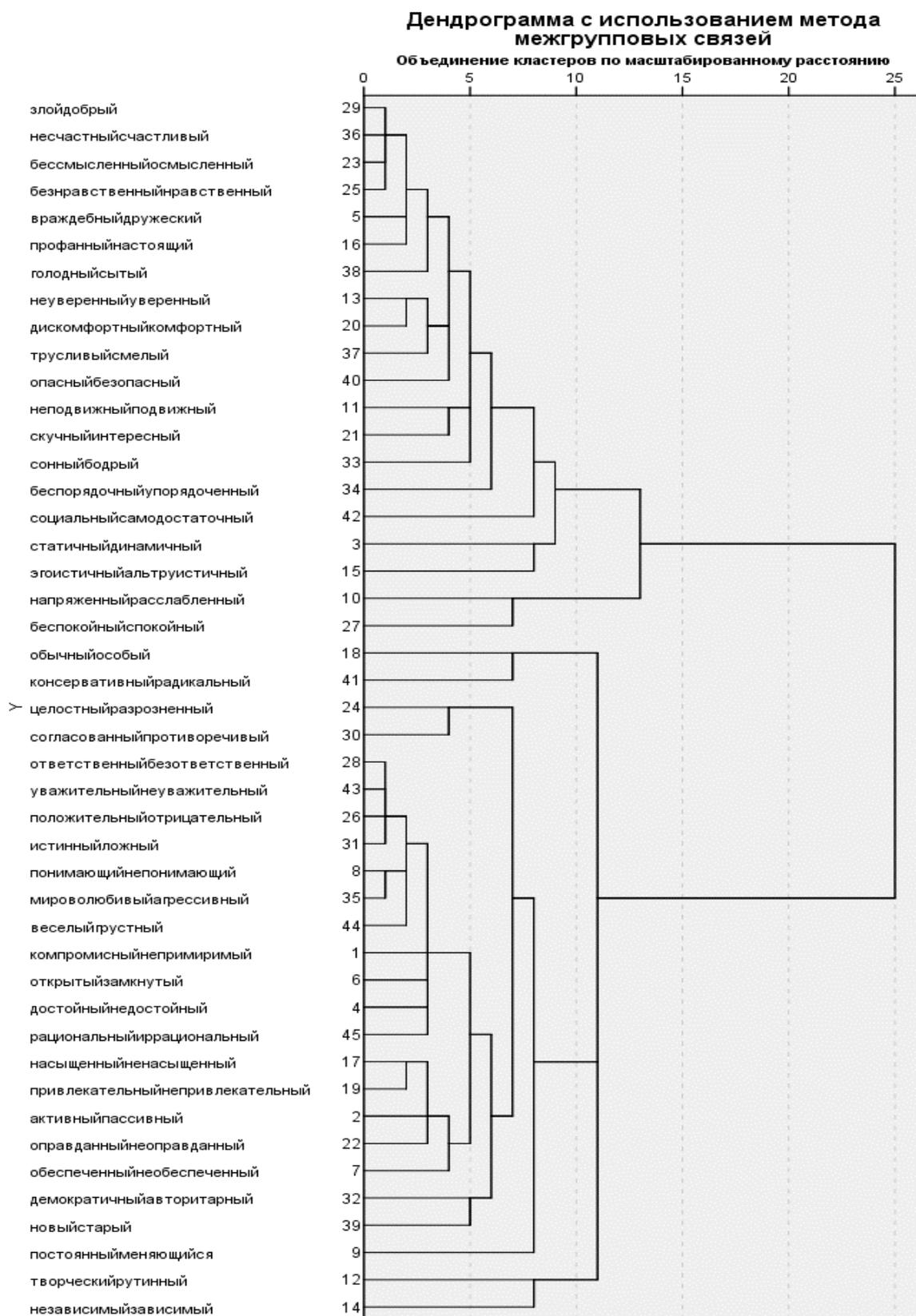

Рис. 1. Кластеры, образованные дескрипторами СД «Образ жизни»

Fig. 1. Clusters formed by lifestyle descriptors

Табл. 4. Выраженность ядерных характеристик образа жизни среди респондентов двух групп

Tab. 4. Degree of the nuclear characteristics of lifestyle in the two groups of respondents

Ядерные характеристики образа жизни	ЭГ1, n=26	ЭГ2, n=64	t
Злой / добрый	1,46	2,39	3,85**
Несчастный / счастливый	1,5	2,45	4,71**
Бессмысленный / осмысленный	0,8	2,5	5,57**
Безнравственный / нравственный	1,76	2,51	2,73*
Враждебный / дружеский	1,38	2,59	3,50**
Профанный / настоящий	1,53	2,21	2,61*
Голодный / сытый	1,76	2,51	2,49*
Неуверенный / уверенный	0,23	1,92	5,52**
Дискомфортный / комфортный	0,46	1,75	3,49**
Трусливый / смелый	0,92	1,85	3,23**
Опасный / безопасный	0,73	1,78	3,00*
Сонный / бодрый	0,38	1,35	2,70*
Беспорядочный / упорядоченный	0,61	1,70	3,48**

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$.

Таким образом, ядро индивидуальных образов жизни состоит из характеристик, отражающих: *активность субъекта* (сонный / бодрый, подвижный / неподвижный, статичный / динамичный), *эмоциональную оценку* (злой / добрый, несчастный / счастливый), *категорию безопасности* (враждебный / дружеский, голодный / сытый, опасный / безопасный, трусливый / смелый, дискомфортный / комфортный, уверенный / неуверенный), *смыслы* (бессмысленный / осмысленный, беспорядочный / упорядоченный), *истинность* (профанный / настоящий). При помощи кластерного анализа нам удалось определить сложно анализируемые в прямых ответах содержательные и структурные компоненты образа жизни. Подобный результат свидетельствует о вычлениении неких базовых структур образа жизни, связанных с непосредственной реализацией конкретных целей, мотивов и потребностей респондентов, вследствие чего субъективное ощущение комфорта и самореализации в конкретных условиях становится более допустимым и возможным. Интересным представляется тот факт, что категория безопасности включает в себя условия среды, которые связаны с обеспечением жизнедеятельности респондентов – удовлетворение физиологических потребностей (еда, вражда, дружба, комфорт, дискомфорт, опасность, безопасность). Возможно, сложные климато-географические условия жизнедеятельности способствуют актуализации базовых потребностных компонентов, необходимых для обеспечения жизненного плана.

Следует отметить, что периферический слой образа жизни представлен достаточно большим списком дескрипторов, в большей степени отражающих такие позиции, как познание, уважение, эстетика, творчество, рационализация. Для респондентов ЭГ1 в меньшей степени свойственна реализация ядерных характеристик образа жизни, возможно, подобный результат связан с уровнем активности самого субъекта и его потребностно-мотивационными образованиями в структуре личности. Им свойственна дефициарность реализуемых базовых аспектов образа жизни, вследствие чего может возникать неудовлетворенность собой и средой и более выраженное стремление к изменениям в субъективной картине жизненного пути [25–28].

Третьим этапом исследования выступило выявление и описание хронотопов (пространственно-временных структур) образа жизни (с помощью кластерного анализа на основании методики «Опросник временной перспективы личности» (ZTP1) Ф. Зимбардо (модификация А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной) и СД «Образ жизни» (В. П. Серкин).

В результате применения процедуры кластеризации (метод межгрупповых связей) среди респондентов ЭГ1 были получены два кластера. Первый кластер образован дескрипторами СД и временным конструктом *Позитивное прошлое* (более сильный кластер с генерализованными содержательными характеристиками образа жизни). Анализ дескрипторов и хронотопа, вошедших в первый кластер, показал встраиваемость *Позитивного прошлого* в ядерные компоненты образа жизни, описанные ранее. Второй кластер (более слабый, с менее генерализованными характеристиками образа жизни и временного конструкта) представлен дескрипторами СД и временными конструктами *Гедонистическое настоящее*, *Будущее*, *Негативное прошлое*, *Фаталистическое настоящее*. Таким образом, структурные и содержательные компоненты образа жизни обусловлены пространственно-временными характеристиками (хронотопами) респондентов. Для лиц, вошедших в ЭГ1, базовым параметром в оценке образа жизни выступает *Позитивное прошлое*, что отражает теплое, сентиментальное отношение к прошлому, ностальгическую, позитивную реконструкцию прошлого. Возможно, доминирование временного конструкта *Позитивное прошлое* в субъективной картине жизненного пути приводит к оценке собственного образа жизни с ориентацией на события прошлого (тогда было хорошо) и, как следствие, менее положительной оценке настоящего, этим может быть объяснено такое различие в сопоставительных результатах основных дескрипторов СД «Образ жизни» (по всем шкалам менее положительная оценка) по сравнению с респондентами ЭГ2. Полученные результаты можно представить в виде следующей схемы (рис. 2).

Подобный результат может свидетельствовать о наличии у респондентов особых механизмов временной децентрации. В работах Е. И. Головахи и А. А. Кроника отмечается, что временные децентрации могут изменять временной

статус разных межсобытийных связей [24]. Актуальные по отношению к хронологическому настоящему связи могут переживаться реализованными, если человек живет будущим, либо актуальные связи могут превращаться в потенциальные, если человек живет прошлым. Временной центр респондентов ЭГ1 смещен в хронологическое прошлое, вследствие чего текущее событие может переживаться как будущее (ждал чего-то).

В результате применения процедуры кластеризации (метод межгрупповых связей) на основании данных, полученных по методике «Опросник временной перспективы личности» (ZTP1) Ф. Зимбардо [23] и СД «Образ жизни», среди респондентов ЭГ2 были получены два кластера. Первый кластер образован дескрипторами СД и временными конструктами *Будущее*, *Негативное прошлое*, *Фаталистическое настоящее*. Второй кластер образован дескрипторами СД и временными конструктами *Гедонистическое настоящее* и *Позитивное прошлое*. Оба кластера достаточно равнозначны с позиции генерализованности компонентов образа жизни и хронотопов. Анализ дескрипторов и хронотопов, вошедших в оба кластера, показал встраиваемость временных конструктов *Гедонистическое настоящее* и *Позитивное прошлое* в ядерные компоненты образа жизни, описанные ранее. Подобный результат свидетельствует о большей генерализации в образе жизни пространственно-временных характеристик, с ориентацией на беззаботное и беспечное отношение ко времени и жизни, на удовольствие, наслаждение в настоящем и отсутствие заботы о будущих последствиях при одинаково теплом, сентиментальном отношении к прошлому. Ориентация на *Гедонистическое настоящее* приводит к более позитивной оценке содержательных компонентов образа жизни. Полученные результаты можно представить в виде следующей схемы (рис. 3). Для данной выборки характерно простиравание актуальных связей, ведущих из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее. Механизм временной децентрации явно не представлен.

Заключение

Специфика образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях, обусловлена дифференциацией описательных характеристик среды (респонденты, желающие и нежелающие покинуть Камчатский край, демонстрируют полярные оценки средового воздействия на них), что связано с воздействием ряда факторов, непосредственно и опосредованно влияющих на формирование индивидуального образа жизни. Дифференциация индивидуальных образов жизни обусловлена мотивацией и системой реализуемой деятельности респондентов.

Анализ содержательных и структурных компонентов образа жизни участников исследования позволил определить доминирование позитивного контекста в оценке индивидуальных образов жизни, что свидетельствует о достаточном уровне энергетизации различных сфер

Рис. 2. Соотношение временного параметра и образа жизни лиц ЭГ1
Fig. 2. Time parameter vs. lifestyle in experimental group 1

Рис. 3. Соотношение временного параметра и образа жизни лиц ЭГ2
Fig. 3. Time parameter vs. lifestyle in experimental group 2

жизни, несмотря на сложные условия жизнедеятельности, активность субъекта направляется на цели, которые требуют реализации, несмотря на объективные сложности. Положительная эмоциональная оценка различных компонентов образа жизни служит индикатором соответствия или несоответствия уже целостных образов жизни далеко не всегда осознаваемым иерархиям мотивов.

При помощи кластерного анализа нам удалось определить сложно рационализируемые в прямых ответах содержательные и структурные компоненты образа жизни, представленные ядерными и периферийными конструктами. Ядро индивидуальных образов жизни состоит из характеристик, отражающих *активность субъекта, эмоциональную оценку, категорию безопасности, смыслы, истинность*. Подобный результат свидетельствует о вычленении неких базовых структур образа жизни, связанных с непосредственной реализацией конкретных целей, мотивов и потребностей респондентов, вследствие чего субъективное ощущение

комфорта и самореализации в конкретных условиях становится более допустимым и возможным. Категория безопасности включает в себя условия среды, которые связаны с обеспечением жизнедеятельности респондентов – удовлетворение физиологических потребностей (еда, вражда, дружба, комфорт, дискомфорт, опасность, безопасность), сложные климатогеографические условия жизнедеятельности способствуют актуализации базовых потребностных компонентов, необходимых для обеспечения жизненного плана. Для респондентов ЭГ1 в меньшей степени свойственна реализация ядерных характеристик образа жизни, им свойственна дефициарность реализуемых базовых аспектов образа жизни, вследствие чего может возникать неудовлетворенность собой и средой и более выраженное стремление к изменениям в субъективной картине жизненного пути.

В исследовании показана обусловленность индивидуального образа жизни пространственно-временными характеристиками (хронотопами) респондентов. Для первой группы респондентов базовым параметром в оценке образа жизни выступает *Позитивное прошлое* (прошлое встроено в ядерные конструкторы образа жизни), что может свидетельствовать о наличии у респондентов особых механизмов временной децентрации. Временной центр респондентов

ЭГ1 смещен в хронологическое прошлое, вследствие чего текущее событие может переживаться как будущее (ждал чего-то). Для лиц, представляющих вторую группу, характерно протраивание актуальных связей, ведущих из прошлого в настоящее и из настоящего в будущее. Механизм временной децентрации явно не представлен.

Таким образом, специфика образа жизни лиц, проживающих в сложных климатогеографических условиях, определяется совокупностью базовых параметров (активностью самого индивида, его мотивами, оценкой среды проживания, системой реализуемых им деятельностей и пр.), вместе с тем одним из ведущих параметров выступает пространственно-временная структура образа жизни. Данное исследование не претендует на новое методологическое значение в отношении исследования образов жизни и образа мира, а лишь намечает новые пути в изучении указанного феномена и несколько расширяет представления о формировании индивидуальных образов жизни. Описание специфики индивидуальных образов жизни и поиск детерминант взаимодействия образов жизни и образов мира позволят в большей степени приблизиться к описанию конкретной содержательной специфики индивидуальных образов мира, что является важным шагом в решении одной из основных задач психологии – описанию субъективного мира человека.

Литература

1. Ядов В. А. Взаимосвязь социологических и социально-психологических подходов к исследованию образа жизни // Психология личности и образ жизни / отв. ред. Е. В. Шорохова. М.: Наука, 1987. С. 89–93.
2. Кумейкина О. В. Эвристический потенциал категории «образ жизни» в психологических исследованиях // Сб. науч. тр. Сев.-Кавк. государственного технического университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2005. № 2. С. 137–140.
3. Попова О. Н. Проблематизация определения характеристик сбалансированности временной перспективы личности // Сибирский психологический журнал. 2018. № 69. С. 85–99. DOI: 10.17223/17267080/69/5
4. Сайко Э. В. Картина мира как условие организации жизнедеятельности человека и как познавательный конструкт // Мир психологии. 2017. № 2. С. 3–11.
5. Вербицкий Р. Ю. Социальные представления как предмет социальной психологии // Вестник университета. 2015. № 11. С. 311–315.
6. Смирнов С. Д., Чумакова М. А., Корнилова Т. В. Образ мира в динамическом контроле неопределенности // Вопросы психологии. 2016. № 4. С. 3–13.
7. Даненова Д. Б. Трансформация образа жизни и образа мира как психоисторическая проблема: дис. ... канд. психол. наук. Караганда, 2001. 189 с.
8. Леонтьев А. Н. Избранные психологические произведения. М.: Педагогика, 1983. Т. I. 392 с.
9. Состояние и основные тенденции развития образа жизни советского общества / отв. ред. И. Т. Левыкин. М.: ИСИ АН СССР, 1980. 197 с.
10. Парыгин Б. Д. Советский образ жизни и социально-психологические проблемы формирования личности. М.: Мысль, 1975. 233 с.
11. Социальная психология. Краткий очерк / под ред. Г. П. Предвечного, Ю. А. Шерковина. М.: Политиздат, 1975. 231 с.
12. Столин В. В., Наминач А. П. Психологическое строение образа мира и проблемы нового мышления // Вопросы психологии. 1988. № 4. С. 34–46.
13. Ломов Б. Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984. 444 с.
14. Рубинштейн С. А. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1973. 328 с.
15. Серкин В. П. Профессиональная специфика образа мира и образа жизни // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 78–90.
16. Серкин В. П. Взаимосвязь образа мира и образа жизни // Мир психологии. 2009. № 4. С. 109–119.

17. Серкин В. П. Невроз отложенной жизни (НОЖ) и северный невроз // Уч. зап. кафедры психологии СМУ. Магадан: Кордис, 2001. Вып. 1. С. 113–118.
18. Серкин В. П. Жизненные сценарии северян и их влияние на принятие решений // Колыма. 1997. № 4. С. 20–23.
19. Серкин В. П. Образ мира и образ жизни. Магадан: Изд-во сев. ун-та, 2005. 331 с.
20. Серкин В. П. Профессиональные, региональные и этнокультурные особенности образа мира и образа жизни // Образы, традиции и культура межнационального мира и согласия / науч. ред. А. Д. Карнышев. Иркутск: Изд-во ИГУ. 2014. С. 51–63.
21. Весна Е. Б., Кулик А. А. Особенности картины мира подростков, переживших землетрясение. Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2013. 195 с.
22. Серкин В. П. Психосемантика. М.: Юрайт, 2017. 318 с.
23. Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Методика Ф. Зимбардо по временной перспективе // Психологическая диагностика. 2007. № 1. С. 85–106.
24. Головаха Е. И., Кроник А. А. Психологическое время личности. 2-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2008. 267 с.
25. Петухов В. В. Образ мира и психологическое изучение мышления // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 1984. № 4. С. 13–21.
26. Марцинковская Т. Д., Голубева Н. А., Юрченко Н. И. Картина мира, образ мира, представления о мире: константы и трансформации понятия и содержания // Мир психологии. 2017. № 2. С. 20–33.
27. Марцинковская Т. Д. Внутренняя форма психологического хронотопа: подходы к проблеме // Психологические исследования. 2017. Т. 10. № 54. Режим доступа: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1448-martsinkovskaya54.html> (дата обращения: 25.02.2020).
28. Толстых Н. Н. Развитие временной перспективы личности: культурно-исторический подход: дис. ... д-ра психол. наук. М., 2010. 545 с.

Lifestyle of People Living in Harsh Climatic and Geographical Conditions

Anastasia A. Kulik^{a, @}

^a V. Bering Kamchatka State University, Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky

[@] anastasiya81@yandex.ru

Received 28.02.2020. Accepted 19.03.2020.

Abstract: The goal of the present empirical study was to describe the lifestyle of people who have to live in harsh climatic and geographical conditions. The research featured the people of Kamchatka and involved several stages. During the first stage, the author obtained descriptive characteristics of the environment in question based on self-reports of respondents. The interviewed included those satisfied with their living conditions and those willing to leave Kamchatka. The lifestyle features were grouped into the differential assessment of environmental characteristics and the factors that directly affect the construction of one's individual lifestyle, e.g. climate, or the so-called geophysical factor, society, household, economy, etc. During the second stage, the author identified the nuclear and peripheral lifestyle structures typical of individuals that have to live in harsh conditions. The nuclear lifestyle structure consisted of characteristics that reflected activity, emotional assessment, safety, meanings, and truth. These features were associated with the direct implementation of specific goals, motives, and needs. The content and structural components of one's lifestyle appeared to be affected by one's chronotopes, or space-time structures. A time construct proved to build itself into one's individual lifestyle, which led to a special type of constructing relationships heading from the past to the present and the future. This specific feature also determined the assessment of one's life activities.

Keywords: world image, extreme living conditions, chronotope, time perspective, life path

For citation: Kulik A. A. Lifestyle of People Living in Harsh Climatic and Geographical Conditions. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2020, 22(1): 139–151. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2020-22-1-139-151>

References

1. Yadov V. A. The relationship of sociological and socio-psychological approaches to the study of lifestyle. *Psychology of personality and lifestyle*, ed. Shorokhova E. V. Moscow: Nauka, 1987, 89–93. (In Russ.)

2. Kumeikina O. V. The heuristic potential of the lifestyle category in psychological research. *Sb. nauch. tr. Sev.-Kavk. gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Ser. "Gumanitarnye nauki"*, 2005, (2): 137–140. (In Russ.)
3. Popova O. N. Characteristics of the time perspective balance of the personality. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (69): 85–99. (In Russ.) DOI: 10.17223/17267080/69/5
4. Sayko E. V. The picture of the world as a condition for the organization of human life and as a cognitive construct. *Mir psikhologii*, 2017, (2): 3–11. (In Russ.)
5. Verbitskiy R. Yu. Social representations as a subject of social psychology. *Vestnik universiteta*, 2015, (11): 311–315. (In Russ.)
6. Smirnov S. D., Chumakova M. A., Kornilova T. V. The world image in dynamic control of uncertainty. *Voprosy psikhologii*, 2016, (4): 3–13. (In Russ.)
7. Danenova D. B. *The transformation of lifestyle and lifestyle as a psychohistorical problem*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Karaganda, 2001, 189. (In Russ.)
8. Leontiev A. N. *Selected psychological works*. Moscow: Pedagogika, 1983, vol. I, 392. (In Russ.)
9. *The state and main trends in the development of the lifestyle of Soviet society*, ed. Levykin I. T. Moscow.: ISI AN SSSR, 1980, 1974. (In Russ.)
10. Parygin B. D. *Soviet lifestyle and socio-psychological problems of personality formation*. Moscow: Mysl, 1975, 233. (In Russ.)
11. *Social psychology. Short essay*, eds. Predvechnyi G. P., Sherkovin Iu. A. Moscow: Politizdat, 1975, 231. (In Russ.)
12. Stolin V. V., Naminach A. P. The psychological structure of the image of the world and the problems of new thinking. *Voprosy psikhologii*, 1988, (4): 34–46. (In Russ.)
13. Lomov B. F. *Methodological and theoretical problems of psychology*. Moscow: Nauka, 1984, 444. (In Russ.)
14. Rubinshtein S. L. *Being and consciousness*. Moscow: Izd-vo AN SSSR, 1973, 328. (In Russ.)
15. Serkin V. P. Professional specificity of world image and lifestyle. *Psikhologicheskii zhurnal*, 2012, 33(4): 78–90. (In Russ.)
16. Serkin V. P. World image and life's mode interrelation. *Mir psikhologii*, 2009, (4): 109–119. (In Russ.)
17. Serkin V. P. Life scenarios of northerners and their impact on decision-making. *Kolyma*, 1997, (4): 20–23. (In Russ.)
18. Serkin V. P. Deferred life neurosis and northern neurosis. *Scientific notes of the Department of Psychology of Northern Magadan University*. Magadan: Kordis, 2001, iss. 1, 113–118. (In Russ.)
19. Serkin V. P. *World image and lifestyle*. Magadan: Izd-vo sev. un-ta, 2005, 331. (In Russ.)
20. Serkin V. P. Professional, regional, and ethnocultural features of world image and lifestyle. *Images, traditions and culture of interethnic peace and harmony*, ed. Karnyshev A. D. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2014, 51–63. (In Russ.)
21. Vesna E. B., Kulik A. A. *Features of the worldview of teenage earthquake survivors*. Petropavlovsk-Kamchatsky: KamGU im. Vitusa Beringa, 2013, 195. (In Russ.)
22. Serkin V. P. *Psychosemantics*. Moscow: Iurait, 2017, 318. (In Russ.)
23. Sircova A., Sokolova E. T., Mitina O. V. Zimbardo's time perspective methodology. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2007, (1): 85–107. (In Russ.)
24. Golovakha E. I., Kronik A. A. *Psychological time of the personality*. Moscow: Smysl, 2008, 267. (In Russ.)
25. Petukhov V. V. The world image and the psychological study of thinking. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psikhologiya*, 1984, (4): 13–21. (In Russ.)
26. Martsinkovskaya T. D., Golubeva N. A., Yurchenko N. I. The picture of the world, the image of the world, ideas about the world: constants and transformations of concepts and contents. *Mir psikhologii*, 2017, (2): 20–33. (In Russ.)
27. Martsinkovskaya T. D. Internal form of psychological chronotope: approaches to the problem. *Psychological research*, 2017, 10(54). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2017v10n54/1448-martsinkovskaya54.html> (accessed 25.02.2020). (In Russ.)
28. Tolstykh N. N. *Development of the temporal perspective of the individual: cultural and historical approach*. Dr. Psychol. Sci. Diss. Moscow, 2010, 545. (In Russ.)